

Проблема жизненного мира и интенциональность: от феноменологии к постфеноменологии.

Казанцев Фёдор Аркадьевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра онтологии и теории познания, Москва, Россия

E-mail: cyberlukich@gmail.com

В поздних работах Гуссерля развивается тематика т.н. «жизненного мира», проблематизирующая редукционистский характер научной рациональности и намечающая траекторию развития феноменологического метода в попытке выявить предельные детерминации процессов мышления. В феноменологии и после Гуссерля сохранился аналогичный пафос — стремление выйти к созерцательно-изначальным, допонятийным пластам опыта.

Это искание привело к выявлению принципиально аффективного характера определяющих интенциональность процессов и отказу от тотальности познающего субъекта. В принципиальной слитости мира и субъекта внутри *Dasein* феноменологический метод получил возможность еще плотнее подступиться к действительному характеру детерминаций мышления. Проекты четырех французских феноменологов, которых коснется доклад (Э. Левинас, М. Дюфрен, М. Мерло-Понти, П. Рикер), представляют собою варианты дальнейшего разворачивания указанной траектории (в целом, очевидно, ключевой для успеха феноменологического проекта), учитывающие и развивающие хайдеггеровское открытие самоданности.

Указывая на содержательную скупость фундаментальной онтологии применительно к анализу жизни, П. Рикер сформулировал задачу развития феноменологии как проследование всего массива культурных детерминант субъектности. В единстве этой интенции рассматриваемые проекты представляются аспектами синтеза гуссерлевского гносеологического пафоса и хайдеггеровской внимательности к Бытию. При этом, на наш взгляд, во взаимной концептуальной диспозиции этих проектов раскрываются по-новому именно те структуры цельного вот-бытия, что были обозначены Хайдеггером во «Времени и бытии» несколько нефеноменологическим образом - в концепте экзистенциалов.

Организуемая предлагаемое сопоставление модель представляет собой развертку возможных топосов обнаружения феноменальности, понятой как самоданности, в виде двух взаимодополнительных корреляций: эстетическое — этическое и телесность - смысл. Проекты Э. Левинаса (феноменология этического опыта) и М. Дюффрена (соответственно, эстетического) соположены в силу конституитивной принадлежности обоих регионов опыта извечному единству психической детерминации субъекта, известному как Благо-Истина. Аналогично, проекты М. Мерло-Понти и П. Рикера комплементарны в обеспечиваемой внутри феноменального поля тотальности значения, т. е. в содержательности самих феноменов. Синтетическое единство трансцендирующего движения смысла и телесности (как субстанции патического) обретается также внутри другого почтенного единства - Бытия-Мышления. Две эти корреляции (аффицирующий Зов - с одной стороны, и место и фактичность самого события схватывания чего-либо — с другой) следует рассматривать как дополнительные относительно друг друга структурные аспекты единой мистерии бытийной вовлеченности человека, ухваченной Хайдеггером в аспекте фундаментальности относительно всякого прочего знания, но требующей также и концептуального оформления диахронической модальности своего разворачивания. Следование именно этой концептуальной интенции и составляет эволюционный смысл четырех указанных проектов, каждый из которых представляет собою попытку одновременно усовершенствовать решения

и Хайдеггера, и Гуссерля, опираясь на специфичность соответствующего региона самоданного.

Тем не менее, задача конкретизации машинерии «жизненного мира» оказывалась все еще не решенной в силу региональности и взаимоальтернативности предложенных французскими мыслителями решений. Ядро проблемы составляла необходимость выявления однозначной координации между гомогенностью Бытия и очевидной гетерогенностью различных типов и аспектов аффектации субъекта. Иными словами, задача состояла в том, чтобы прояснить, каким образом те регионы феноменального, на которые опираются рассмотренные мыслители, некоторым образом *суть одно*. Вне возможности всеобъемлющего концептуального синтеза 1) феноменальности как самоданности и 2) проектов аналитического раскрытия механизмов культурного обуславливания субъекта, рассматриваемым феноменологам не оставалось ничего другого, кроме как различными способами ассимилировать гуссерлианскую модель истины, в тех или иных границах наделяя субъект спонтанно маневрирующей интенциональностью.

Касательно вопроса о спонтанности интенциональности, негативное решение Хайдеггера предельно строго: разыскание, приведше к выявлению внерациональной, аффективной природы пре-интенциональных процессов, берет свое начало в фундаментальнейшем мыслимом вопрошании — о явлении самой интенциональности. Первичность этого рассмотрения относительно всякой последующей работы с интенциональностью однозначно указывает на него как на естественный способ обретения плацдарма для проясняющего проникновения в толщу «жизненного мира». Однако, гуссерлианская трактовка феноменальности отчетливо хранит в себе наследие метафизики: явление, понятое как явление самого явления, игнорируется, и несколько бесосновательно явление сразу же полагается явлением сущего, т.е. интенциональность, по существу, оказывается достаточным обоснованием способности сознания получать доступ к истинно сущему; соответственно, так понятое сознание обладает и свободой воли, приближаясь к *ego cogito*. Именно возможность спонтанности интенциональных движений становится слепым пятном, внутри которого оказывается возможным потеря траектории столь значимого концептуального присвоения «жизненного мира».

Таким образом, расширение панорамы освоения «жизненного мира» и отказ от спонтанности интенциональных актов оказываются тождественными движениями. В этом смысле можно сказать, что постфеноменология — очистившаяся от пережитков метафизики — действительно начинается с *освобождения от свободы*, каковое предлагает Ж.-Л. Марион в концепте насыщенного феномена, и развивается в проекте неинтенциональной феноменологии М. Анри, формулирующем искомое решение вопроса об объемах и глубинах детерминации субъектности, задавая *предельно* единое и обширное предметное поле феноменологии, каковым является *жизнь как таковая*.

Источники и литература

- 1) Хайдеггер, М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина — М.: Ad Marginem
- 2) (Пост)феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами. - Москва, 2014
- 3) Вдовина И.С. Феноменология во Франции. - Москва, 2009

Слова благодарности

Премного благодарен за предоставленную возможность!